

Воспоминания об отце***Школа (быт до 1900 г.)****

За первые 30 лет своего существования Чувашская школа была замкнутым, себе доверяющим мирком, осторожно настроенным по отношению ко внешнему - чуждому или даже враждебному — миру, от которого несло холодом. «Чуваши-мордва — не наша родня», — кричали тогда по адресу и воспитанников, и нас жители окружавших школу Конных²³. Чуваши держались смирно. Недаром Н. И. Ильминский²⁴ говаривал, что чуваши пересидят многие другие народы, потому что «они смиренные» — качество небезвыгодное вообще, а на Руси особенно. Внешний мир казался настолько враждебным, что собственно никаких связей вне школы почти никто и не имел. Особенно опасливо было отношение учителей и учеников к мальчикам или юношам учебного возраста (там более при отсутствии у них формы)* не принадлежавшим к определенному учебному заведению. Вся эта молодежь на языке Чувашской школы носила общее наименование «жуликов», хотя слово это уже утратило свой подлинный бранный смысл, а прилагалась без оттенка осуждения. Так и говорили: «Утром приходили два жулика и оставили вам письмо», «Приходил не семинарист, а просто жулик»; «Иван Яковлевич, внизу спрашивают два каких-то жулика» и т. д.

По основной идее Чувашская школа должна была возможно меньше отрывать своих питомцев от условий нормальной чувашской семьи. Этот обиход был так скромный, что жизнь в просторном, светлом и сухом помещении Чувашской школы должна была казаться воспитанникам верхом

---

* Воспоминания А. И. Яковлева к печати подготовлены его дочерью О. А. Яковлевой. Составленные ею же текстуальные примечания даются постранично под звездочками. Примечания по содержанию, написанные в основном А. В. Изоркиным, с использованием некоторых примечаний О. А. Яковлевой (они оговорены), помещаются в конце статьи. Начало воспоминаний А. И. Яковлева опубликовано в 1-м выпуске сборника.— *Ред.*

** Шесть страниц рукописи, касающихся учебы А. И. Яковлева в Симбирской гимназии, опущено.— *Ред.*

* В тексте «по отсутствию формы» — *Ред.*

благополучия. Из принципа (да по соображениям экономии) в школьный обиход не вводился белый хлеб, чай и сахар, кроме как на пасху и на рождество, потому что этого нет и в обиходе средней не только чувашской, но и русской крестьянской семьи. Поэтому одним из развлечений воспитанниц и воспитанников было в вечерние часы, когда топились печи, кипятить в ковшах воду и пить этот кипяток с черными сухарями. Вспоминаются эти вечера — или до зажжения ламп в классах, или позднее, после приготовления уроков — когда, сидя вокруг печки с раскаленными углями и слушая сказку, в ковше кипятили воду.

Любимыми играми были чурки и лапта^{**}, особенно лапта, на школьном дворе. По утрам, весной, когда солнце только поднималась над горой, до начала уроков (в 8 час.) играли в лапти. В центре круга вколачивался кол, к которому привязывалась веревка. За эту веревку держали зацепленными кучи старых лаптей, сложенных около колышка. Остальные игроки с разных сторон тащили лапти. Если караульный ухитрялся поймать одного из похитителей, то тот занимал его место. Когда лапти были окончательно расхищены, караульщик должен был спасаться бегством, причем лапти градом летели ему вдогонку.

За обедом был обычный артельный этикет. Хлеба было вдосталь. Ели молча, не загребая в щак мясо, пока не опорожнили большую деревянную чашку на 4 и 6^{***}. Затем один из обедавших давал сигнал: «Таскать!» И мясо, крошенное в миску, мигом расхватывалось. Но вообще неприхотливой, но здоровой пищи было всегда более чем достаточно, и на недостаток ее никогда не раздавалось жалоб, разве что со стороны каких-нибудь бывших дворовых, втискиваемых в Чувашскую школу влиятельными людьми. По праздникам вместо каши полагалось жаркое: кусками крошенное жареное мясо с картофелем, что было большим лакомством и в деревенском крестьянском быту.

---

^{**} Возможно, лапти, т. к. далее описывается игра лапти — *Ред.*

^{***} То есть на 4 и 6 человек.

В чувашской школе не было обычных в быту других учебных заведений мер возмездия, вроде кондуитных журналов, баллов за поведение, карцера и т. п. Дисциплина, и железная, поддерживалась общим духом и строем школы, глубоко серьезным отношением к делу как педагогического персонала, так и самих учащихся. Единственной, но ужасной мерой возмездия было увольнение из школы за плохие успехи или неудовлетворительное поведение. Бумага об этом обычно посылалась вдогонку неисправному ученику, уехавшему на каникулы, по решению педагогического совета школы. Наказание было не так страшно по последствиям, потому что даже уволенных учеников Чувашской школы довольно охотно брали в другие учебные заведения (напр., в Казанскую семинарию). Но опасение попасть в эту страшную категорию увольняемых было достаточно для поддержания безукоризненной внешней и внутренней дисциплины и порядка, ибо каждый чувствовал над собой этот дамоклов меч. Понятно, что по отношению к воспитанникам более выдающимся, конечно, применялась гораздо осторожнее: гроза направлялась против малоуспевающих и посредственных.

По субботам вся школа ходила в торговые 5-копеечные бани. В молодости случалось, что их провожал туда сам Иван Яковлевич и иногда сам мыл некоторые «паршивые» головенки своих мальчишек.

День начинался всегда звонком в 6 часов утра, после которого следовала, как во всех пансионах, уборка и вынос постелей наружу, зимой на снег; а затем в 7 часов — горячий завтрак—мясная похлебка на пшене или другой крупе. Уроки летам и зимой одинаково начинались в 8 часов утра. В классах Чувашской школы, сравнительно с другими учебными заведениями, обращал на себя внимание образцовый порядок и тишина, без крика, возни, драк и других маленьких школьных бесчинств; отношение неизменно было серьезное и сосредоточенное - зависело ли это от расы или от духа школы. Формы не было, и потому воспитанники одеты были по-разному, но всегда опрятно и аккуратно. В холодное время не препятствовали, конечно, сидеть в

кафтаны и полушубках^{*}. Миротворительный характер отношений между воспитанниками. Во время прохождения курса при непосредственном соседстве мужской школы и женского училища происходило сближение молодых людей (ни одного предосудительного случая), кончавшееся нередко к окончанию курса браками между бывшими воспитанниками. Общая школа и общий дух давали хорошие предпосылки для дальнейшего семейного благополучия. Школа успевала привить привычки к опрятности, порядку и дисциплине, и внутренний обиход большинства таких хозяйств имел скромный и привлекательный характер.

В последние десятилетия в Чувашской школе образовался отличный хор, а потом и оркестр, столь хорошо поставленные, что город заинтересовался ими, и воспитанники стали получать приглашения выступать публично.

При прощании с учениками Иван Яковлевич давал им обычно общее наставление и напутствие, предостерегая от пьянства, разврата, сварливости и т. д., и его старческие заветы глубоко западали в душу учеников, как некоторые из них впоследствии свидетельствовали об этом.

Так как все ученики обязательно проходили через столярную мастерскую, то более способные из них к ремеслу усваивали это столь важное в домашнем быту искусство обращаться с деревом и инструментом. Все вместе сложилось так, что даже революция не покусилась на это учебное заведение, едва ли не единственное в городе, устоявшее почти без ломки, во всяком случае не^{*} как остальные учебные заведения «губернии».

Дедушка

Дедушка имел облик и характер старинного^{**} служилого человека XVII века, который твердо знает все определяющие его положение условия. Отсюда спокойная ясность понимания своего положения и то спокойное достоинство, которое отражает ясность внутреннего отношения. При всем

---

* Так в тексте: в кафтане (ед. число) и полушубках (мн. число).

* Далее часть текста утрачена.

** В оригинале написано «стар.» и можно прочесть и как «старинного» и как «старого».

том его душе в высокой степени присуща была черта возбудимости. Живо помню то радостное возбуждение, с которым он встречал нас, приехавших на праздники, и то скорбное возбуждение, с которым он провожал. Усаживаемся в сани, чтобы ехать, а он в волнении и огорчении суетится кругом, закрывая нас полостью.

Въезжаешь летним вечером во двор школьной усадьбы. На лавочке перед деревянным флигелем сидят учителя и среди них — яркое белое пятно серебряной дедушкиной бороды.

Радостный смех, с которым он встречал и шел потом пешком со мной рядом в гору домой!! Одна из величавых особенностей благородного и большого характера — никогда ничего^{***} о своих заслугах и значении, никаких перекогов с врагами по этому поводу и никаких слов в воздух по адресу этих врагов^{****} даже среди своих близких. В то же время глубокое уважение к чужим заслугам и преклонение перед ними, особенно перед памятью Николая Ивановича^{*****}.

Священное имя^{*****} никогда им не произносилось легко и всуе, а всегда с благоговением. Каждое 27 декабря — чтилась память²⁵. 27 декабря 1920 г. кое-как нашли розвальни, чтобы доехать до Иоанна Предтечи²⁶. Панихида — слабая, согбенная старческая фигура на коленях во время «Вечная память».

Чувствительное отношение ко всякому добру и вниманию. В 1920 г. какой-то приехавший из Баку чуваш привез оттуда лимон, которых в Симбирске не было. Такой пустяк тронул Дедушку буквально до слез, как знак заботы и памяти о нем постороннего человека.

Одна из прихотей: боясь смерти и ожидая ее с 50 лет, Дедушка сам заказал себе гроб и даже приготовил склеп на усадьбе школы, которыми не пришлось воспользоваться. Особенно поражало полное отсутствие всякой позы, и та святая простота, которая бывает свойством только действительно

*** Видимо, пропущена фраза «не говорить». — *Ред.*

**** Над словами «адресу этих врагов» А. И. Яковлевым вписано «неожид. юбилея». Очевидно, имеется в виду неожиданность празднования юбилея Чувашской школы и 60-летия И. Я. Яковлева в 1908 году.

***** Ильминского.

***** т. е. имя Ильминского

великих и подлинно благородных характеров. И в то же время безграничная готовность к самоотвержению.

«В нитку вытянусь, говорил он мне, только бы ты шел по ученой дороге. Вне ее кругом такая приниженность и такая забитость!»

Ярки в памяти^{*} о совместной работе в Санкт-Петербурге во время съезда 1905 г.²⁷, когда он вызывал меня в качестве секретаря и в 1915 г.²⁸, когда пришлось исполнять такие же обязанности, составляя ответы в Министерство. Мы жили на углу Невского и Фонтанки. Я, бывало, писал бумаги поздней ночью, просыпал и спускался в номер^{**} к Дедушке, когда он уже успевал сам сходить за сливками и хлебом и ждал меня к чаю. Нас удивлял дом через речку. Казалось, что там жил какой-то необычайно общительный и хлебосольный человек: каждую ночь в нем гремела музыка, и видны были кружащиеся пары. Но, когда мы полюбопытствовали, что за хлебосол там живет, оказалось, что это только для справления свадеб^{***}.

Несмотря на свои 67 лет Дедушка настолько мало знал городские порядки, что не знал, что в ресторане при расплате за обед полагается прислуге давать на чай, и недоумевал на те косые взгляды, которые бросали слуги, когда он уходил, расплатившись без чаевых денег.

В молодости Дедушка зачитывался Маколеем²⁹, и был очень доволен, когда я ему, уже старику, отыскал и привез полное собрание сочинений Маколея. Но в 65 лет Маколей уже не производил на него того впечатления, какое производил в 30 лет. В последние (1920 - 1922) годы Иван Яковлевич много читал Достоевского, который оказывал на него сильное впечатление, особенно его «Бесы».

Поражала его необычайная^{****} скромность, даже робость или деликатность: он не решался присоединиться на прогулке летом к моей жене и ко мне из опасения стеснить и робко спрашивал на это позволения. Не

---

* После слова «памяти», видимо, пропущено слово «воспоминания».

** Т. е. в номер гостиницы.

*** Т. е. дом нанимали для справления свадьбы.

**** Можно прочесть и как «необыкновенная».

решался войти в кабинет, в котором я сидел с женой: «застыдился», как определила мама.

В его созидательной деятельности поражала удивительная целеустремленность, заставлявшая его преследовать известную идею (например, проект школьной фермы) целыми десятилетиями, в то время как другой давно бы потерял всякое терпение и махнул рукой. Точно он знал, что ему придется перевалить в работе за 70 лет, и эта железная настойчивость оправдывалась и окупалась: почти всякое дело ему удавалось довести до конца.

Удивительна та дальновидность, настойчивость, которую он вносил в наше образование. Он знал цену иностранных языков^{*}, особенно в русских условиях, когда это вместе и социальное качество. Поэтому с раннего детства, при наших всегда очень ограниченных средствах делалось все, чтобы выучить нас 3 языкам. Во мне он хотел видеть образованного на классиках человека и находил учителей, выучивших меня латинскому и греческому значительно шире и глубже гимназической программы (лица)³⁰.

В манере обращения его с незнакомыми спутниками на пароходе или в вагоне была та особая спокойная хорошая приветливость, которая характеризует крестьянство. Ни угрюмости, ни нелюдимства, ни заносчивости, а простая добродушная, спокойная и ровная приветливость. Это спокойное благородство обращения было результатом его общего спокойного благожелательства к людям — без приподнятости экстаза и затем пониженного настроения. Когда мы жили вместе в Санкт-Петербурге, я всегда сердился на то, что раньше, чем я встал, он сам сбегает за молоком и за хлебом. И никогда (за всю жизнь!) ни одного намека на свои заслуги, значение, благодеяния другим — точно их и не было или они разумелись, как нечто незначущее. Но несмотря на свою всегдашнюю скромность и сдержанность, когда надо, он умел загораться огнем, которого не было у

---

* Так в тексте.

других. Один доктор, член Спас.^{**} училищного совета рассказывал, как сумел заинтересовать, зажечь и увлечь этот обычно молчаливый или шутливо сдержанный человек. В памяти стоит сцена приезда к Николаю Ивановичу Ильминскому, вероятно, в 1888 или 1889 году, когда Николай Иванович выбежал в коридор навстречу Ивану Яковлевичу с радостным смехом и радостными слезами и, столь же радостно смеясь, его стал обнимать и целовать Иван Яковлевич.

В работе Ивана Яковлевича поражала его необычайная выдержка и ровность: из года в год, изо дня в день всегда одинаково настойчивое и выдержанное движение к цели. И это смолоду: во время экзаменов в университете он никогда не работал усиленно, потому что вся работа была равномерно проделана в течение года. Иван Яковлевич в пору той неистовой экзаменационной лихорадки, которой страдает большинство, спокойно гулял или катался на лодке. Его могучее, окрепшее к 22—23 годам сложение он укрепил ходьбой и правильным купанием, которое иногда продолжал до заморозков. В молодости он переплывал широкую, сажень в полтора, Воложку под Симбирском. Эта мощь фигуры (без всякого искусственного развития — он никогда не занимался гимнастикой) сохранилась у него до старости.

Для меня и по сей день загадка, как удалось ему проработать целую жизнь и не быть сброшенным? Это объяснимо только «связями», странным образом связавшими его с верхами и старой и новой России. В старой России, как говорится, «око видело, а зуб взять не мог».

Летний вечер июня 1900 г. Солнце только что село, светло и тепло. Я поднимаюсь по лестнице на тротуарик, ведущий к крыльцу женского училища. Я только что кончил университет. Навстречу — радостный и бегущий от волнения Дедушка, спешащий обнять и поздравить меня!

---

^{**} Так в тексте — вероятно, города Спасска — уездного города Казанской губернии.

Зимний морозный день. Дедушка перекочевавше* со своей северной стороны на юг в...** комнату. «Как хорошо — солнце, свет», — говорит он, радуясь на затопленную солнечными лучами комнату.

Приятно было видеть, как встречались Дедушка и его первый по годам ученик А. В. Рекеев³¹, давно уже сам седой, благообразный старик и протоиерей. По годам они были почти одних лет, его-то Дедушка взял из деревни, когда сам в 1868 г. поступил в гимназию.

1920 г., непринужденный разговор о политике. Дедушка, сверкнув глазами: «Да ведь тут дело идет о вашей России!» Нам стало неловко, что мы, хотя бы условно и деланно, могли допустить такой незначительный тон о великом деле.

«Ваш муж, — говорила в годы его молодости Клеопатра Дмитриевна Раевская³², — очень умный, но очень невоспитанный человек».

Дряхлым стариком, уже почти лишенным способности двигаться, в Петровском-Разумовском³³ он по-детски радовался на движение — на игру котенка и на бегающих детей перед его глазами.

Рождество около 1900 г. - большая комната опустевших спален и класса мужской школы и вдоль стен шеренга сосен, вставленных в кресты. Аромат сосны и темная зелень без всяких украшений. В этих комнатах на рождение сестры*** 26 декабря давался танцевальный вечер, и кружились под звуки рояля ее приятельницы и приятели.

Когда уже память покинула его, после 1926 г., он все порывался к Николаю Ивановичу**** и даже сердился, что его не везут туда. Однажды мама, даже взяла извозчика и поехала с ним в Новодевичий монастырь, но он рассердился, когда увидал, куда его привезли. Тщетно я объяснял ему, что Николай Иванович умер по плоти, но жив по духу. Он повторял все одно и то же: «Этого не может быть». И все куда-то собирался и хотел ехать, даже

---

* Так в тексте.

** Одно слово в тексте утрачено.

*** Лидии Ивановны Яковлевой.

**** Т. е. к Н. И. Ильминскому.

надевал теплое платье, говоря, что ему приличнее быть где-то там, чем здесь. Его очевидно все тянуло в Симбирск. С детским всхлипыванием он вдруг иногда припадал, сидя, к матери головой, а она ласкала его и говорила: «Ах, ты мой маленький».

Мысль готовиться в гимназию дало одно случайное обстоятельство: он исполнил частный землемерный заказ на поляка управляющего каким-то большим имением, и тот относительно щедро заплатил ему 25 р. Иван Яковлевич даже не поверил размерам этой суммы и, войдя в уборную, там гладил, расправлял ее: подлинно ли это такая огромная сумма. Она и послужила первым базисом и толчком к подготовке в гимназию. С трудом поступив в 5-й класс в 1868 г., так как даже русский литературный язык дался ему с трудом, он в 1871 г. первым кончил ее с золотой медалью. Это ли не чудо дарований, характера и выдержки? Но успех не сбил его с толку. Получив образование, он тотчас же вернулся обратно на начатую школьную работу и простоял на ней почти полстолетия, не выпуская плуга из своих крепких рук. Что можно назвать* цельнее, благороднее, проще и возвышеннее, чем это?

Перед воротами школы протекала чудесная Свяяга, в этом месте стесненная дамбой моста, но ниже расправлявшая свои берега. Когда еще дамбы этой не было, Свяяга была довольно широка и в этом месте и имела даже острова, заросшие травой и какими-то розовыми цветами**. Ниже она расширялась. Слева шли подходившие в упор к воде Конновские огороды***, а справа берег был довольно крут и поднимался пологим бугром. Мы любили в сильный западный ветер спуститься по Свяяге версты на 3—4, а потом вооружась открытым широко зонтом вместо паруса, прикрепленным на носу, или простыней быстро примчаться домой. Ниже города верст на 5 расположена была так называемая Чебоксаровская водяная мельница, место малопосещаемое, до которого, как конечного этапа, мы добирались время от

---

* В тексте «указать».

** Растение сусак изобиловало по р. Свяяге и в 1920—1922 гг.

*** Т. е. огороды жителей Конной Слободы, расположенной в Симбирске (ныне Ульяновске) за рекой Свягой.

времени, чтобы в полуденный жар отлежаться там под развесистыми ветлами, предварительно выкупавшись в свияжских струях.

Я любил бесснежные осени, когда Свияга стояла замерзшая и чистая как стекло на протяжении всего течения. Тогда в нашем распоряжении был громадный каток, и мы бегали до Чебоксаровской мельницы, чтобы в сумерки мчаться оттуда сломя голову по чистому и ровному льду, который по краинам, около выступившей воды, покрывался пленкою нежного, похожего на сливочное масло, свежего льда. Бежать по этому свежему льду было наслаждение, так мягко и бесшумно резал его конек.

Зимний вечер, сыпятся хлопья снега, но лед еще не занесен, мы мчимся во весь опор на огни города. Вот похожее на средневековое сооружение здание пивоваренного завода, вот и учил.* фонарь. Конец этому речному катанию — завтра все будет под снегом**.

Чувашская школа. Люди

Чувашская школа обслуживалась более чем наполовину своими бывшими воспитанниками, хорошо знавшими ее*** быт и дух. Затем были собственно преподаватели (особенно по литературе и математике) из университета и духовной академии. Часть преподавателей приглашалась из города. Сказать, чтобы около Чувашской школы сложился прочный круг преподавателей, нельзя - состав их был довольно текуч: свои уходили в духовное звание или получали более ответственные и самостоятельные места, а городские мало дорожили уроками Чувашской школы, оплачивавшимися очень невысоко. Но несколько человек прочно, в течение десятилетий, вошли в школьный обиход, и его трудно себе представить без них. Так, первые десятилетия школьной жизни связаны с личностью почтеннейшего кафедрального протоиерея С. С. Медведкова³⁴, служившего

---

* В тексте написано сокращению «учил» — вероятно, это «училищный» фонарь — т. е. фонарь училища — вероятно фонарь Чувашской школы, или соседнего с ней ремесленного училища. Но может быть, это ошибочно написанное слово: «уличн.» — т. е. «уличный» фонарь.

** 14 рукописных страниц об учебе А. И. Яковлева в Московском университете опущено. — *Ред.*

*** Слово «ее» в тексте пропущено. — *Ред.*

звеном между захолустьем (с губернской точки зрения) Чувашской школы и миром высшего духовенства. Незлобивый, кроткий, мягкий, необыкновенно сдержанный — он был идеальным преподавателем закона божия. Живя замкнутой тихой жизнью в своем домике на Лисиной улице, погруженный в часы досуга в садовое дело или рыбную ловлю, он был не совсем обычным представителем губернского духовенства. Он был совершенно чужд интриги или корысти, никогда ничем не запятнал себя - ни искательством, ни трусостью, был обходим при наградах и повышениях, но сохранял прежнее спокойствие и выдержку. Его симпатии были несомненно на стороне новых течений и тогдашнего либерализма: он выписывал либеральные журналы, и когда происходили выборы в 3-ю Государственную думу, то Симбирск послал туда именно его. Его участие в школьной жизни было важным залогом благоприятной осведомленности высших кругов симбирского духовенства, среди которого немало было и интриганов, и врагов Чувашской школы из-за боевого в свое время вопроса об открытии чувашских приходо-в. Вдовый бездетный старик, он доживал свой век с сестрой и ее детьми. Помню, как разговорившись со мною во время дворянских выборов в январе 1915 г., он с печалью сказал: «Явление вредное и, к несчастью, еще очень сильное».

Другое духовное лицо, прочно входившее в состав Чувашской школы — настоятель ее церкви в течение 3-х десятков лет — священник Никифоров³⁵, он же преподаватель истории, замечательный своей сдержанностью и отсутствием какой бы то ни было склонности к интриге и склоке, спокойно, выдержанно и ровно делавший свое дело и при революции, до 1919 г., когда ему пришлось уйти из-за общего распоряжения об удалении духовенства из школ.

Третий — бесконечно преданный школе преподаватель русского языка Виктор Никифорович Орлов, собиратель небольшого музея чувашской культуры, тихий и спокойный человек, не знавший в жизни других интересов, кроме школьных, и по характеру — идеал скромного сдержанного

человека, независимого и мужественного, когда это было нужно, истого джентльмена в своем скромном положении. Его конец был трагичен. Предназначенный к удалению из Чувашской школы во время ломки 1922 г.³⁶, он точно не смог пережить этого удара, заболел какой-то неопределенной болезнью и через неделю скончался, оставив без всяких, конечно, средств жену и 3 девочек.

Другое столь же преданное Чувашской школе лицо — заведывавшая женским училищем Наталья Яковлевна Яковлева*, всю жизнь положившая на воспитание женской половины школы, спокойно, терпеливо, настойчиво работавшая над воспитанницами больше трех десятилетий...³⁷.

Да можно еще указать несколько небольших по положению лиц, целиком отдавших жизнь Чувашской школе. Это 2 столяра (Серг. Серг. и Никол. Никан.), оба одаренные и в своей области талантливые люди, сначала пьяницы, но на регулярном и хорошем педагогическом деле, которое им выпало на долю в Чувашской школе, оправившиеся и ставшие не только отличными инструкторами учеников, но и руководителями дела в целом: по их планам и соображениям мастерская вырабатывала изящные и сложные произведения, которые ей заказывались, например, многочисленные иконостасы. Нечего говорить, конечно, что вся школьная утварь от табуретов до парт и оконных рам изготовлялась тут же в мастерской. С 6 часов утра на всех верстаках ее уже горели свечи, и работа в ней шла полным ходом.

Упомяну еще одно лицо, более чем скромное по своему положению, стряпуху казенной кухни Алексеевну, которая приросла к Чувашской школе, как улитка к скале и в течение 30—40 лет не знала других интересов. Ее сын Ваня учился в школе, прошел ее и стал учителем. Мечтой Алексеевны было уехать к нему. Бывало, Алексеевна, выйдет за ворота к Свияге и смотрит вдаль. «Пойти посмотреть, не едет ли Ванюшка». Но вместо Ванюшки, пришло письмо, сообщавшее, что он умер от тифа. Старушка как-то

---

* Однофамилица И. Я. Яковлева.

перенесла этот удар... Но с тех пор ее страстная привязанность была перенесена на сына соседней кухарки, в котором она души не чаяла.

В школе, конечно, работали в качестве дворников, кучеров, водовозов, сторожей свои же чувашаи из разных мест на обычном по тому времени жалованье — 5 р. в месяц. Нередко на этих должностях оказывались без всяких претензий какие-нибудь родственники Ивана Яковлевича, даже его племянники от старшего брата (тоже Ивана), про которого Иван Яковлевич говорил, что сам-то он умный да жена дура. Этого высокого старика (много старше Ивана Яковлевича) в белой посконной рубахе, облегавшей его тощее тело, со шнурочком в виде пояска, я помню. Иван Яковлевич в старости напомнил мне черты своего старшего брата. Жили бедно, но помощи не просили и обходились своим трудом. Была у Ивана Яковлевича сестра, дети которой «вышли в люди» (учитель и учительница) с зажиточным домохозяйством, но ее облика не помню. Связующим звеном разнокалиберного, хотя и смиренного, но не без сварливости мирка Чувашской школы была личность Ивана Яковлевича — без него все это должно было поползти врознь...³⁸.

В дворянстве Чувашская школа союзников или даже людей сколько-нибудь ею интересующихся почти не имела, если не иметь в виду самый первый фазис ее развития, когда она была поддержана Раевскими, Пазухиным и Дмитриевым. Некоторый интерес к ней проявили только заволжский помещик и немножко журналист Назарьев³⁹ да карсунский помещик Ю. Д. Родинов. Деловитее и глубже был интерес торгового люда. Смолоду, в пору первых строительных операций, Иван Яковлевич встретил симпатию и поддержку со стороны довольно крупного по Симбирску коммерсанта Булычева, поддержавшего кредит Ивана Яковлевича своим весом (внушительным и физически) в банке. Помню полную круглую фигуру этого нижегородского выходца, сидящего перед своей лавкой в Гостинном дворе и встречавшего нас с отцом всегда приветливой улыбкой. В Чувашской школе он, кажется, никогда не был, но ее знал и ей симпатизировал. Ему же

Иван Яковлевич, кажется, был обязан приглашением в ревизионную комиссию банка, что имело известное социальное значение и давало 300 р. заработка в год, что по тогдашним средствам Ивана Яковлевича было очень немало.

Другой верный союзник — крупнейший симбирский фабрикант Николай Яковлевич Шатров, начавший свою работу по суконному делу параллельно с педагогической работой Ивана Яковлевича. Николай Яковлевич Шатров — один из промышленно-финансовых гениев, которые рождаются сами собой и работают без школы и обучения. Он был мальчиком в какой-то торговой фирме, сколотил небольшую сумму и смекнул те выгоды, которые сулило в будущем фабрично-суконное дело. Как ему повезло в начале, сказать трудно. Женился он на бедной, изящной красавице, дочери местного парикмахера, бесприданнице. Но еще до 30 лет он успел перехватать рушившуюся суконную фабрику местных дворян — затейников Прибыловских. Фабрика, которая у Прибыловских не шла, в руках Николая Яковлевича Шатрова превратилась в золотое дно. По зимам он закупал со своими подручниками шерсть в Ирбите с 9-месячным кредитом, а за этот срок три раза оборачивал открытый ему кредит, продавая товар за наличные в интендантство (он вырабатывал солдатские сукна). Когда наступал срок платежа, первая шерсть уже успела обернуться 3 раза, при каждом обороте загребая, благодаря возможности выдавать задатки из выручки, новые и новые партии шерсти с таким же 9-месячным кредитом, потому что запас шерсти в оренбургских степях был неограничен. Судьба сделала так, что усадьба матери Николая Яковлевича Шатрова — местной мещанской повитухи (превеселой старухи, до смерти водившей у себя в саду хороводы) — была впритык с усадьбой Чувашской школы, и Николай Яковлевич Шатров издавна видел своими глазами рост Чувашской школы. Симпатии сблизили его с Иваном Яковлевичем, а расчет закрепил это сближение. Через Чувашскую школу Николаю Яковлевичу Шатрову за его малые и большие пожертвования пошли ордена и чины. Как человек расчетливый и предусмотрительный, он

все это расценивал скрупулезно и отчетливо. Но за 30 лет своего попечительства над школою он передал ей* много десятков тысяч тогдашних полноценных рублей. Он был единственный, кто из фешенебельной части города нет-нет да и заглядывал в Чувашскую школу. Его щегольской рысак и нарядный экипаж можно было в разные часы нередко встретить на усадьбе Чувашской школы.

Николаю Яковлевичу Шатрову давно хотелось извлечь мать из ее мещанской щелки и переселить к себе, но характерная старуха, не сдавалась, говоря, что он очень зазнается. Куда-то раз ей пришлось уехать, и без нее сынок взял да и разнес ее домишко по бревнышкам, а усадьбу, сняв забор, слил со школьной. Мать, говорят, была за это на сына в больших сердцах, но дело было уже сделано и поправить было нельзя. Не один год Николай Яковлевич Шатров обдумывал, что бы соорудить на месте дома своей матери, и в результате было воздвигнуто то прекрасное по-местному каменное здание, в котором поместились начальная опытная школа и прекрасный зал для вечеров и спектаклей. Сооружение это относится уже к моменту под самую войну. Николай Яковлевич Шатров передал революции свою фабрику на полном ходу и в блестящем состоянии — всего на сумму от 50 до 60 миллионов рублей. Некоторое время в очень стесненном положении он жил с женою в Москве, а потом уехал куда-то за границу. Это был единственный верный союзник из состава богатой симбирской буржуазии, заинтересовавшийся скромным и невидным делом, делавшимся где-то на глухой окраине города и вложивший в это дело что-нибудь около 50—60 тысяч рублей. Из остальных богатеев ни один не проявил никакого интереса.

По наружности Николай Яковлевич Шатров был очень привлекателен. Небольшого роста, худощавый, с умными, живыми карими глазами, быстрыми, иногда даже не по возрасту юркими движениями. В личном обращении, по крайней мере с нами, исключительно любезный, выдержанный и внимательный. В последние годы у него завсегдатаями была

---

* В тексте — «на нее» — *Ред.*

вся симбирская знать, с которой он умел найти тон свободный и простой. Но «миросозерцание» его, как мы говорим, было узким: он подходил к делу всегда с утилитарно-коммерческой точки зрения, расценивал «за» и «против» по выгоде этого дела. Большую роль в его симпатиях к школе сыграли, конечно, те награды, которые он получал через нее. Затевая какое-то дело в 1916 году, связанное с монархическим строем (кажется, какую-то стройку), он приехал осведомиться и посоветоваться с Иваном Яковлевичем и задал ему невероятный ранее, но характерный для него вопрос: «Говорят, государь непрочен?». Несмотря на свое огромное богатство, в своем частном быту это был самый скромный человек, воздержанный в пище и питье, простой в привычках и в одежде. Его единственной большой прихотью было соорудить себе нарядный особняк на лучшем в городе месте и окружить его хорошим садом, причем липы пересаживались в этот сад уже взрослыми вместе с окружавшей их корнями землей. Но эта постройка была закончена уже под революцию и попользоваться ею Николаю Яковлевичу пришлось недолго. Если бы судьба дала ему образование и внутреннюю культуру (из литературы он ничего не читал и вместо «аграрный» говорил «варгарный»), то он мог бы превратиться в большую общественную фигуру. Его финансовая сметка была удивительна. Он в Нижнем Новгороде, на ярмарке. Приходит известие о германском ультиматуме⁴⁰. Кто о чем, а Николай Яковлевич посылает доверенного скупить во всех магазинах германскую краску для сукон и очищает за 200.000 рублей весь рынок, снабдив свою фабрику запасами на целые годы в дальнейшем...*

Примечания

²³ Имеются в виду жители Конной Слободы Симбирска, где была расположена Чувашская школа.

---

* Далее текст о встрече А. И. Яковлева в Москве с Л. Н. Толстым и студенческой жизни автора опускается. — *Ред.*

²⁴ Н. И. Ильминский (1822 - 1891) — ориенталист, профессор Казанского университета и Казанской духовной академии, член-корреспондент Российской академии наук. Разработал «систему просвещения инородцев», основанную на допущении родного языка нерусских народов в церковную проповедь и начальную школу, основал и возглавлял крещено-татарскую школу и инородческую семинарию в Казани. Русификацию нерусских народов сводил к освоению ими православия.

²⁵ «...каждое 27 декабря - чтилась память...» Яковлевы ежегодно служили панихиду по Н. И. Ильминскому, умершему 27 декабря 1891 г.

²⁶ Иоанн Предтеча — церковь в г. Симбирске, ближайшая от Чувашской школы. Официально называлась церковью Богоявления (О. А. Яковлева).

²⁷ В мае 1905 г. И. Я. Яковлев был приглашен на заседание инородческой комиссии Министерства народного просвещения. В поездке в Петербург его сопровождал А. И. Яковлев. Он же был основным составителем докладов для И. Я. Яковлева.

²⁸ В 1915 г. И. Я. Яковлев обратился с ходатайством к тогдашнему министру народного просвещения графу П. Н. Игнатьеву по поводу улучшения положения Симбирской чувашской школы и добился незначительной помощи.

²⁹ Томас Маколей (1800—1859) — английский буржуазный историк, публицист и политический деятель. К. Маркс оценил труды Маколей как фальсификацию истории Англии и подделку ее в угоду крупной буржуазии. Перу Маколей принадлежит пятитомная «История Англии от восшествия на престол Якова II», написанная ярким литературным языком.

³⁰ «Лица...» Видимо, здесь А. И. Яковлев хотел назвать лиц, которые занимались с ним языками. Одним (главным) из его учителей по древним языкам был Н. Г. Маллицкий, впоследствии профессор в Ташкенте (О. А. Яковлева).

81 А. В. Рекеев (1848 - 1932) — первый ученик И. Я. Яковлева, его близкий помощник по Симбирской чувашской школе. Впоследствии

сельский священник, протоиерей, основатель Чувашской школы при Казанской учительской семинарии, автор ряда историко-этнографических статей.

³² В годы учебы в Симбирской гимназии И. Я. Яковлев проживал на квартире в доме полковника в отставке С. Д. Раевского., брата К. Д. Раевской.

³³ После переезда из Симбирска (Ульяновска) в Москву Яковлевы жили не в самом Петровском-Разумовском, где ныне находится Московская сельскохозяйственная академия им. К. А.Тимирязева, а рядом - в Соломенной Сторожке (О. А. Яковлева).

³⁴ С. С. Медведков (1841 - 1917) - протоиерей, воспитанник Петербургской духовной академии, преподаватель Симбирской духовной семинарии, с 1882 по 1890 гг. — законоучитель Симбирской чувашской школы.

³⁵ В. Н. Никифоров — учитель истории и географии, протоиерей, работал в Симбирской чувашской школе с 1 сентября 1883 г.

³⁶ Ломка сложившихся традиций была вызвана постановлением ВЦИК от 9 февраля 1922 г., по которому Симбирский чувашский практический институт народного образования и сельскохозяйственный техникум при нем были переданы из ведения Симбирского губисполкома в ведение исполкома Чувашской автономной области.

³⁷ По неимению средств женское училище при Симбирской Чувашской школе было распущено в октябре 1917 г.

³⁸ В последующие годы произошли дальнейшие изменения в подготовке чувашских учителей: в 1923 г. Симбирский чувашский практический институт был преобразован в Чувашский педагогический техникум (с 1935 г. — Ульяновское чувашское педагогическое училище), фермы при сельскохозяйственном техникуме были ликвидированы.

³⁹ В. Н. Назарьев (1830 - 1902) — симбирский дворянин, земский деятель и журналист.

⁴⁰ Ультиматум предшествовал войне. Ее приближение Шатров сразу понял. 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России.

Яковлев, И. Я. Воспоминания об отце : школа (быт до 1900 г.) / И. Я. Яковлев // История и культура Чувашской АССР. - Чебоксары, 1972. - Вып. 2. - С. 378-395.